

А. А. Лагунов

ПОСТМОДЕРНИЗМ И КВАЗИРЕЛИГИИ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье предпринимается попытка обоснования наличия мировоззренческих параллелей между постмодернистским и квазирелигиозным типами мышления о мире и человеке. Отмечается отсутствие четкого определения квазирелигий в современном религиоведении и аргументируется положение, в соответствии с которым наиболее существенным отличием квазирелигиозных культов от традиционных религий, сект и религиозных культов является формируемое в них представление о способах достижения трансцендентных идеалов: если в квазирелигиях для этого обладающему разумом человеку необходимо и достаточно приложить собственные усилия, то в религиях такие усилия тоже необходимы, но недостаточны — требуется обращение к сверхчеловеческим факторам. Наиболее наглядно это отличие подтверждается отсутствием в квазирелигиях молитвенной практики и богослужения. Объясняется такая особенность квазирелигий тем, что их создатели пытаются объяснить действительность только в «горизонтальном» ее аспекте, отказывая в праве на существование «вертикальному», принимают во внимание лишь данность и игнорируют заданность — и в этом обнаруживаются явные параллели с постмодернистским типом мышления, воспринимаящим мир как «поверхность» и выражающим такое качественное состояние общественного сознания, которое с неизбежностью приводит к росту квазирелигиозных представлений и культов, на них основывающихся. Формулируется вывод, согласно которому постмодернизм и квазирелигии являются возникшими почти синхронно однопорядковыми явлениями, взаимно друг на друга влияющими и друг друга дополняющими.

Ключевые слова: нетрадиционная религиозность, постмодернизм, симулякр, религии, богослужение, квазирелигии, секуляризм, постсекулярное общество, общественное сознание.

«И как легко потерять истину, как легко за нее принять ложь, когда в общественной философии эпохи постмодерна отсутствует само понятие истины».

Святейший Патриарх Кирилл¹

Современные религиоведение и сектоведение не спешат признавать влияние идей постмодернизма на общество в качестве значимого фактора роста в нем нетрадиционной религиозности, поскольку «уже самое поверхностное ознакомление с феноменом сектанства показывает несостоятельность этого подхода и установления сколько-нибудь серьезных параллелей между постмодернизмом и нетрадиционной религиозностью» [Мартиневич, 2018, 262]². Мы все же попытаемся показать, что такие

Алексей Александрович Лагунов — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (emaillag@mail.ru).

¹ Цит. по: [Сила нации, 2009, 102].

² Или: «Плюрализм как основная характеристика постмодернизма подразумевает, что, по сути, он несовместим ни с какими религиями. Традиционные религиозные представления критикуются теоретиками постмодернизма как рационалистические конструкции, создаваемые обществом, они являются источником власти, подавляющей человека... Избавить

параллели есть, но не между постмодернизмом и нетрадиционной религиозностью в целом, а между постмодернизмом и квазирелигиозностью как активно развивающимся сегодня элементом нетрадиционной религиозности.

Постмодернистская поверхностность

Конечно, новые религиозные движения и, соответственно, нетрадиционная религиозность были всегда, однако в наши дни мы наблюдаем их стремительный рост, который можно объяснить только появлением факторов, не бывших ранее, одним из которых является популяризация постмодернистского мировоззрения (наряду с глобализацией, секуляризацией, дестрадиционализацией и пр.). Уточним: мы будем вести речь не о постмодернизме как многоплановом и однозначно трудно определимом социокультурном феномене, а о философском постмодернизме как рациональном выразителе «постмодернистского состояния» (Ж.-Ф. Лиотар) умов, закрепляющем в общественном сознании особый тип мировоззрения.

Можно зафиксировать основные постулаты (или «вероятельные аксиомы») постмодернизма, уяснив на их основании логику его дальнейших философских построений³. Для постмодернизма характерны «открытость, отсутствие жестких иерархий, асимметричных оппозиционных пар (высокое — низкое, реальное — воображаемое, субъект — объект, целое — часть, внутреннее — внешнее, поверхность — глубина, Восток — Запад, мужское — женское и т. д.)» [Петровская, Померанц, 2010, 297]. Под открытостью, видимо, надо понимать пластику постмодернизма, его способность изменяться под влиянием внешних воздействий, интеллектуальных настроений и предпочтений, и этому весьма способствует отсутствие «жестких иерархий» в дискурсе о реальности, вследствие чего воображаемое сливается с реальным, а жизненная «поверхность» теряет как глубину, так и высоту, поскольку нет ни верха, ни низа, только «здесь и сейчас» — вот этот субъект и вот этот объект, кстати, неразличимые друг от друга, но и не единые, поскольку нет ни целого, ни частей. В постмодернистском мироощущении, не замечающем реальности оппозиционных пар, нет противоречий (точнее, они признаются лишь субъективной аберрацией), а значит, при формировании основывающегося на нем мировоззрения нет необходимости в диалектике как учении о развитии, осуществляющемся именно через подвергаемые постмодернизмом остракизму противоречия.

Поскольку противоречия изгоняются из постмодернистского мышления, оно уже не может оперировать понятием антиномии — фундаментального, существенного, не преодолеваемого со временем противоречия, стороны которого одинаково истинны. Между тем в основе, например, христианского мировоззрения лежит именно антиномизм, как онтологический, так и гносеологический⁴, причем объяснить его наличие можно, исходя из самой природы человеческого познания, которое *стремится объяснить мир как в «горизонтальном», так и в «вертикальном» аспектах*: с одной стороны, отталкиваясь от относительной эмпирической данности, с другой же — трансцендируя к абсолютному, пытаясь постичь «заданность». Но ведь *постмодернизм отрицает вертикаль познания*, оставляя «самодостаточному» человеку только

от подчинения единой идеологии может номадическая кочевая культура, самостоятельность мышления людей» [Царева, 2011, 124].

³ Это не ошибка, именно логику, хотя сами постмодернистские философы предпочитают говорить о своей борьбе с логоцентризмом, однако им при этом важно быть понятыми другими, потому, очевидно, они и вынуждены отказаться от логики только декларативно.

⁴ Антиномичными в христианстве являются представления о непознаваемости Божественной Природы и трансцендентности Божественной Личности, тем не менее провиденциально и литургийно участвующей в эмпирической жизни мира и человека; о свободе человека, с головы которого без воли Божией и волос не может упасть; о «неотмирности» Церкви, через апостолов призванной к земной деятельности; о правомерности как апофатического, так и катафатического способов Богопознания; о вечности однажды сотворенной души и др.

поверхность, «запотевшее стекло», на котором он волен писать все, что *за-благо-рас-судится*, и его же собственный «здравый смысл». Однако М. К. Мамардашвили как-то заметил: «в основе всех великих философий и религий лежит одна единственная мысль: реально есть, существует какая-то другая жизнь, более реальная, чем наша обыденная. Есть что-то другое, что тоже живет, но живет иначе, более осмысленно — это более высокая жизнь, и можно прилагать к ней слова: священная, святая, в ином времени, в ином пространстве и т. д.» [Мамардашвили, 1999, 23]⁵. Постмодернизм подобные мысли отвергает — значит, можно и нужно спорить о его «величии» как философии?

«Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность». Практическое же выражение такие теоретические установки постмодернистского мышления получают в том, что «Реальность и фантазия сливаются в „виртуальной“ действительности, как в „Диснейленде“. Карта предсказывает территории и создает „территорию“, телевизор формирует общество» [Петровская, Померанц, 2010, 297]. Здесь невольно вспоминаются слова Вл. Маяковского: «Послушайте! / Ведь, если звезды зажигают — / значит — это кому-нибудь нужно? / Значит — кто-то хочет, чтобы они были?», и начинаешь сомневаться в распространенной версии стихийно-протестного возникновения постмодернистского феномена, направленного против реалий капиталистического общества — очень он оказался полезен для него. Конечно, философию постмодернизма нельзя винить в формировании и культивировании многочисленных медийных и виртуальных миров, в которых деятельность зачастую только имитируется, не ее это «заслуга», но вполне можно высказать ей порицание в том, что телевидение, СМИ, интернет в странах «развитого капитализма» стали именно такими, какие они есть, ведь, без сомнения, были и еще существуют возможности сделать их другими, приносящими пользу личностям, стремящимся к совершенствованию, а значит, и обществу в целом.

Во все века философия стремилась найти ответы на смысложизненные вопросы — кто мы и почему есть? куда идем? какова наша сущность? Эти ответы были самыми разными, но они все же были, и это позволяло человеку обретать смысл своего существования, периодически терять его, но снова находить. *Постмодернизм ставит под вопрос саму категорию смысла, без которой, в общем-то, невозможно и мышление*. Провозглашая базовым принципом формирования сообществ конструирование человеком (как причиной и началом) виртуальной, возможной реальности, он тем самым отказывает в праве быть реальности действительной: «Сторонники постмодернизма сомневаются в реальности, стоящей за знаком, и обосновывают самодостаточность знаков, полагая, что они создают не смысл, а „эффект смысла“. Таким образом, означаемое оказывается иллюзией или миражом, представляет собой эффект, производимый взаимоотношениями тех или иных означающих. Тогда означающее начинает довлеть над означаемым, становится более реальным, чем та реальность, о которой оно должно вроде как свидетельствовать, выступать ее знаком. Симулякр

⁵ М. К. Мамардашвили произнес эту фразу, читая лекции по древнегреческой философии, записанные и позже опубликованные. Согласно его мыслям, философия наивной не бывает — она или есть, или ее нет. В противоположность современным ученым, греки мыслили не аналитически, а целостно, в чем проявлялось наследие мифологического мировосприятия (которое, добавим, не было преодолено, как ожидалось одно время, и сегодня во многом конституирует мировоззрение), они не разделяли рационального и чувственного. Всякая вещь в их понимании уже дана целиком, и существует потому, что есть *бытие существующего*, формообразующая причина всего — архэ, начало (вода, воздух, огонь, числа, идеи, атомы и др. — не вещи, но именно их начала, благодаря которым вещи есть). Мышление будет истинным тогда, когда человек мыслит не о преходящих эмпирических вещах, а об умозрительном бытии — только в таком контексте можно понимать античный панлогизм, утверждавший тождество бытия и мышления. Развитые религии оперируют другими понятиями, однако приходят к подобным общим выводам о необходимости абсолютного «бытия существующего», трансцендентной или же имманентной миру сущности всего сущего.

в постмодернистском смысле — это знак, не имеющий референта, оторванный от него и, следовательно, потерявший связь с той реальностью, которую он должен был бы обозначать» [Бронзино, 2010, 104].

Как еще можно понимать такую фундаментальную установку постмодернистского мышления, кроме как в качестве призыва к разрушению всего, бывшего ранее — религий, нравственности, традиций, культуры, общественных институтов и пр.⁶? Объявляемые симулякрами, они теряют свои основания, оказываются «подвешенными в воздухе», следовательно, имеют право быть не больше и не меньше, чем другие симулякры, которые можно придумать и внедрить в общественное сознание, и это сравнительно легко сделать в век информатизации, технологизации и глобализации. «Таков постмодернистский „проект“ — *культура без универсалий*. Собственно, это и не культура... Само понятие культуры, взятое из словаря классической философии, осуждено разделить судьбу других понятий из того же словаря — „истина“, „разум“, „вера“, „добро“. Они должны быть осознаны как иллюзии, принятые за объективную данность, тогда как на самом деле — это всего лишь дань одряхлевшей умственной традиции, которой ныне пора сойти со сцены» [Порус, 2008, 418]. Мы видим, что общественная данность становится в постмодернизме лишь данью заблуждениям прошлого, при этом дискурс о какой-либо *заданности*, объективной *цели-сообразности* развития человека и общества категорично отрицается. *Субъектом, формирующим заданность, становится сам человек, причем не всякий, а обладающий властью* — недаром тема власти является в философском постмодернизме одной из центральных.

Но если нет общей для всех цели, то невозможно вести речь и о единых ценностях, определение которых необходимо для достижения этой цели: «Ценности в обществе потеряны. Истина, добро и красота утратили свои смыслы. Истинно ли то, что я вижу? Нет, это обман зрения. Истинно ли то, что я мыслю? Нет, мысль — не критерий. Но других реальностей нет. Остается или Ничто, или Абсурд. Абсурд становится ценностью вместо истины и красоты. А добро? Жизнь человека — вот единственное благо. *Я существую, и существование мое абсурдно* — вот итог, к которому можно прийти сегодня. Я существую. Зачем? Не знаю. Почему? Не знаю. Где? Не знаю. Жизнь как таковая — вот единственная ценность наличного Бытия» [Корсакова, 2010, 189].

«Отрицание богослужения»

Из постмодернистских представлений об обществе следует, что человек, обладающий властью, способен культивировать в общественном сознании определенный, нужный ему для достижения собственных целей набор симулякров, обосновывающих необходимость тех или иных социальных структур, того или иного мировоззрения, той или иной идеологии. За всякой же идеологией стоит конкретное вероисповедание⁷. Вот здесь и открываются широкие перспективы для создателей новых квазирелигий.

Представляется, что *логически* постмодернизм предшествовал квазирелигиям⁸. Однако постмодернистский тип мышления с его поверхностностью восприятия

---

⁶ Сравните с логикой социального утопизма, еще признававшего «объективные законы общественного развития»: «Весь мир насилия мы разрушим / До основания, а затем / Мы наш, мы новый мир построим...».

⁷ Религия в наиболее широком смысле понимается нами как «*получившая социальную определенность вера*, причем религия имеет как вероисповедный аспект, сохраняющий и раскрывающий в человеческом сознании истины веры, так и функционально-идеологический, осуществляющий в общественной жизни исповедуемое». Мировоззрение при таком понимании «*есть уникальное сочетание в разумной личности религиозных и идеологических представлений, возникающее вследствие особенной реализации ее вероятных возможностей и потребностей*» [Лагунов, 2018, 226].

⁸ Логическое и историческое в процессах социального развития, на наш взгляд, хотя и коррелируют, однако не всегда совпадают по времени.

мира не возник ниоткуда, эксцессы самовозвеличивания встречались в человечестве и раньше — достаточно вспомнить: «открытия» античных софистов («человек есть мера всех вещей»); принципиальную позицию средневекового номинализма, отказавшего общим понятиям (универсалиям) в праве на существование; Ренессанс и Реформацию, провозгласившие величие индивидуальности в искусстве и экзегезе; гносеологизм нововременных философов, исходным пунктом своих размышлений сделавших уяснение познавательных возможностей субъекта; кантовский «коперниканский переворот», поставивший мир в прямую зависимость от человеческих понятий о нем; отказ позитивизма от метафизики и ограничение им познаваемой сферы только эмпирическими фактами; призыв экзистенциалистов прекратить философский поиск сущности и удовлетвориться областью существования. Все это были разной степени интенсивности попытки утверждения в общественном сознании «религии человекобожества», сакрализирующей самоудовлеющий разум человека, попытки, в конечном счете завершившиеся «торжеством постмодернизма» (хотелось бы думать, что временным) — как известно, капли камень точат. В постмодернизме отразилась эпоха, аккумулировавшая и суммировавшая все секулярные интенции прошлого.

Сделаем оговорку: из преемственного характера постмодернизма следует, что его нельзя считать единственной причиной кардинальных мировоззренческих изменений в современном общественном сознании, ведь он, по сути, сам является следствием многовековых когнитивных процессов. Однако известно, что со временем следствие становится причиной: в постмодернистском мышлении наиболее полно воплотилась интенция разума к человекобожеству, поэтому его вполне можно полагать в качестве важнейшего фактора дальнейших трансформаций мировоззрения в «постсекулярном» обществе, в которых уже четко выразился религиозный характер.

Начиная с первой половины XX в. во множестве стали возникать структурно оформляющиеся квазирелигии, активно стремящиеся заместить традиционные, и поскольку их появление стало возможным вследствие процессов секуляризации, за ними закрепилось понятие «секулярных религий», которое, думается, не совсем корректно, слишком очевиден в нем оксюморон, сочетание противоположных понятий, не имеющее никакого отношения к синергии антиномизма⁹. Успех квазирелигий обуславливался «достижениями» «освобожденного» секуляризационными процессами человеческого разума в деле нового, утопического мифотворчества. Возможно ли было избежать их появления¹⁰? По-видимому, нет. Ведь, как точно отмечал о. Александр Шмеман,

---

⁹ Заметим, что в трудах авторитетного богослова XX в. о. Александра Шмемана встречается понятие религиозного секуляризма, и возникает соблазн рассматривать его в качестве перевернутого понятия секулярной религии, по смыслу тождественного. Но у него речь шла о проникновении продуктов секуляризации в традиционно-религиозную область, а не о превращении секулярного в религиозное. Религиозный секуляризм возникает тогда, когда человек начинает жить преимущественно земными интересами, а идеалы христианства в своем сознании заменяет на противоположные (богатство, карьера, слава и пр.), богослужение же воспринимает как необходимый, но чисто воскресный ритуал. Собственно, религиозный секуляризм родился много раньше нашего времени, именно о нем свт. Игнатий (Брянчанинов) уже более 160 лет тому назад писал, что современное ему «гонение на христианство» становится «тоньше» предшествующих, вера уже открыто не преследуется: «оставлено на произвол верование во Христа, а отвергнуто житительство по заповедям Христовым: принято житительство противоположное им, отчего вера никак не может перейти из вводной в деятельную, тем менее в живую, то есть духовную» [Брянчанинов, 2017, 211–212].

¹⁰ С этим вопросом тесно связан другой дискуссионный вопрос современности: а нужно ли вообще избегать появления квазирелигий, ведь, может быть, этот процесс сулит в будущем блага для человечества? По нашему мнению, избегать этого все же нужно хотя бы по причине элементарной осторожности, необходимой в отношении всего нового, не проверенного историческим временем. К тому же современные квазирелигии презентуют обществу такой «разной» мировоззренческих концепций, что при их возможном столкновении неизбежна крупномасштабная идеологическая конфронтация (и новейшая история уже знает такие примеры), не говоря уже о том, что все без исключения квазирелигии демонстрируют негативное

«человек *религиозен* по существу. И если он отказывается от религии трансцендентного, то есть надмирного, Бога, то он необходимо принимает религию имманентного Бога, имя которому может быть Социализм, История, Культура, все что угодно... Поэтому в мире идет спор не между верой и неверием, а между разными верами. Те же, кто „ни во что не верит“, — просто оппортунисты, ловкачи и обыватели, в конечном итоге выпадающие из сферы человеческой нравственности» [Шмеман, 2011, 70].

В современных религиоведении и сектоведении не выработан единый подход к определению квазирелигий, да и не все исследователи пользуются этим понятием, предпочитая другие — секты, культы, новые религиозные движения (НРД), новые религии, псевдорелигии и пр. Тем самым не достигается ясного и четкого отделения квазирелигий как относительно нового для человечества феномена от во все времена существовавших религиозных сект и культов. Можно с уверенностью констатировать, что квазирелигии к сектам не относятся уже по самому определению секты как части, отколовшейся от целостной религиозной организации. Квазирелигии ни от чего не откалывались, они хотя и заимствовали иногда традиционно-религиозные элементы, однако не использовали их в качестве фундаментальных вероисповедных оснований. *Квазирелигии возникали как результат фантазии, воображения, утопических представлений своих создателей, в соответствии с постмодернистской методологией конструировавших собственную виртуальность.*

Что можно сказать с уверенностью — это то, что *квазирелигии представляют собой культы, но культы особенные, возникающие в результате «культовых инноваций», вносимых в общественное сознание с определенной целью* (чаще всего скрытыми причинами их образования являются получение выгоды — экономической или политической — и реализация властных потенций создателей). Следует отделять квазирелигиозные культы от псевдоиндуистских, псевдобиблейских и других культов, несмотря на большую фантазию своих «гуру» хотя бы в малой мере опирающихся в конструируемом мировоззрении на «осколки» традиционных религиозных представлений. К квазирелигиозным культам относятся такие, казалось бы, разнородные феномены, как коммунизм, фашизм, либертарианство и его модификации (либерализм, ультралиберализм), сциентизм, экзистенциальный атеизм, сайентология (дианетика), псевдопсихологические и коммерческие культы, утопические общины и пр., а также движение «Нью Эйдж»¹¹, порождающее массу как «лоскутных верований», так и вполне организованных культов.

Дать устраивающее всех определение понятия квазирелигии очень сложно, если вообще возможно. Ведь научных определений даже такого фундаментального для общественной жизни феномена, как религия, сегодня существуют сотни, и все они относительно верны — в зависимости от аспекта, на котором акцентируется внимание исследователя, и дальнейшего контекста его концепции. Поэтому, не претендуя на трудно достижимую (или недостижимую) в этом вопросе всеобщность, попробуем найти наиболее характерное отличие квазирелигий от религий, воспользовавшись для этого ранее данным нами определением религии в социальном аспекте: «Религия

отношение к традиционным вероисповеданиям, т. е. к тем историческим основаниям, на которых построена вся современная цивилизация.

¹¹ А. Л. Дворкин характеризует движение «нью эйдж» как «идеологическую основу современной постхристианской цивилизации» и верно подмечает его сходство с социальными утопиями: «Для построения „новой эры“ ньюэйджеры, также как и марксисты, готовы разрушить остатки „старого мира“. Все не случайно и то, что многие оккультисты — предтечи и идеологи движения НЭ — в свое время радостно приветствовали приход большевиков к власти в России» [Дворкин, 2014, 703]. В связи с многообразием феномена нельзя отнести все культы движения «нью эйдж» к квазирелигиозным. Есть среди них и модернизированная архаика — неоязыческие, спиритические, шаманистские, ведьмовские, сатанистские и пр. культы, но есть и культы квазирелигиозного характера. Однако наиболее опасны не сами эти культы, как правило, структурно аморфные, а их воздействие на культовую среду общества, в которую невольно входят даже далекие от всяких религиозных организаций люди.

есть конкретная система ценностно-целевых связей, обуславливающих жизнедеятельность общества в соответствии с трансцендентными идеалами, представления о которых опираются на полагаемый сакральным авторитет» [Лагунов, 2008, 9–10]. Если применить эту дефиницию к квазирелигиям, то мы увидим, что все ее признаки к ним подходят. Все квазирелигии в той или иной степени связности и конкретности определяют объединяющие адептов цели и ценности, во всех них есть специфические трансцендентные идеалы, в обязательном порядке сакрализирующиеся во избежание их релятивизации и «размывания» вероисповедных основ. Такая применимость определения религий к квазирелигиям еще раз подтверждает тот факт, что мы имеем дело не с чем-то лишь подобным религиям, но с особом рода религиями¹². Их особенность не фиксируется приведенным широким определением, но все же имплицитно в нем содержится, а именно — в той его части, где речь идет о трансцендентных идеалах. Поэтому требуется содержательное раскрытие уже этого служебного понятия.

Что следует считать трансцендентными, «неотмирными» идеалами? По сути, всякий идеал трансцендентен¹³, он достижим только в будущем, которого еще нет в действительности. Да и достижим ли? — по крайней мере, в том виде, в котором он представляется сейчас? Скорее всего, нет, однако это не отменяет *реальности идеала*, играющего для человека и общества роль «путеводной звезды». *Ключ к пониманию отличия квазирелигий от религий — в способе достижения трансцендентных идеалов*: в квазирелигиях для этого необходимо и достаточно человеку, обладающему разумом, приложить определенные собственные усилия, в религиях такие усилия тоже необходимы, но не достаточны. Теперь мы можем зафиксировать то важное содержательное отличие, которое осталось за рамками данного определения религии: *традиционные религии, как и новые секты и культы, полностью не оторвавшиеся от традиции, в отличие от квазирелигиозных культов, утверждают о невозможности движения к трансцендентному идеалу в том случае, если оставаться в эмпирической и относительной «горизонтали» и не уповать на метафизическую абсолютную «вертикаль»*. По мысли А. В. Карташева, глубокой и неискоренимой чертой всякой религии является «жажда приобщения к абсолютному»¹⁴, и эта жажда отсутствует в квазирелигиях. Но ведь именно отрицание вертикали, поверхностность и является наиболее характерной чертой постмодернистского мышления. Таким образом, мы пришли к констатации неразрывной взаимосвязи методологических установок квазирелигий и постмодернизма.

Однако что же может означать «отрицание вертикали», если мы будем переходить от абстрактного к конкретному? Это значит, что *в квазирелигиях отсутствует практика молитвы*, следовательно, в них нет и богослужения¹⁵. Нет Бога (богов), нет высших объективных ценностей, которым можно было бы служить (за исключением, как выяснено, самой жизни — но что она есть в отрыве от ценностей «вертикали»? безжизненная абстракция, в которой человек провозглашает самого себя «богом горизонтали»). Знаменательно, что, согласно мыслям о. Александра Шмемана, именно

¹² «Иногда то, что я называю квазирелигиями, — утверждал протестантский богослов П. Тиллих, — называют псевдорелигиями, но это столь же неточно, сколь и несправедливо. „Псевдо“ указывает на предполагаемое, но обманчивое сходство; „квази“ указывает на подлинное сходство — не предполагаемое, а основанное на идентичности некоторых сторон» [Методология].

¹³ В приведенном определении религии прилагательное «трансцендентными» указывает именно на неотъемлемое качество, атрибут всех идеалов, а не на то, что могут быть и другие, имманентные идеалы.

¹⁴ «Религиозная психология имеет тенденцию к преодолению власти всего относительного и к максимальному обладанию абсолютным, к возможному сублимированию всего, что освящено религией, к изъятию его из области профанной и возвышению в ранг священного, святого, обоженного, поклоняемого, неприкосновенного, абсолютного» [Карташев, 1996, 29].

¹⁵ Между тем без молитвенного делания невозможны ни конструктивное философствование, ни адекватное постижение мира. Развернутая аргументация этого тезиса представлена в статье: [Лагунов, 2017, 124–129].

«отрицание богослужения» следует рассматривать в качестве важнейшего определения секуляризма, «который в конечном счете есть не что иное, как утверждение автономии мира, его самодостаточности в смысле причины, знания и действия» [Шмеман, 2011, 80]. Отрицая богослужение, человек отказывается от «естественной сакраментальности мира», что не только лишает этот мир благодати, но и отнимает у самого человека основу его жизни и деятельности, поскольку, «Будучи эпифанией (откровением) Бога, богослужение есть поэтому и эпифания мира; будучи общением с Богом, только оно есть истинное общение с миром; будучи знанием Бога, оно являет вершину человеческого знания» [Шмеман, 2011, 75].

Отрицание богослужения явилось источником и движущей силой секуляризма, с него он начался, им и завершается, передав его в качестве основной характеристики квазирелигиям современного «постсекулярного» общества, этим своеобразным «религиям горизонтали», религиям поверхности и повседневности, лишенным сверхэмпирических, сверхрациональных начал и смыслов существования человека. Мы полагаем, что имеем достаточные основания для того, чтобы зафиксировать не только сходство и взаимосвязь квазирелигиозных мировоззрений с постмодернистским, но и их генетическое родство.

Добровольное рабство

Нужно сказать, что постмодернисты настойчиво декларировали свое выступление против антропоцентрической «нововременной» картины мира, что, казалось бы, противоречит нашему тезису об «обогащении» ими человека и его самодовлеющего разума. В качестве альтернативы они предложили неисчислимое множество «онтологий», сообразных множеству объектов и сливающихся с ними субъектов. Но так ли это, был ли действительный конфликт постмодернизма и антропоцентризма? Ведь субъектом постмодернистского мышления остался человек, которому была предоставлена — нет, не свобода, но вседозволенность в деле размышления о мире, и субъект этот совсем не спешил положить конец своей оппозиции объекту, если такое, конечно, вообще возможно. Напротив, он еще более резко выделил свою противопоставленность всем объектам. *Поиск сущности был прекращен, и мир заикнулся на человеке, объектом служения которого стал он сам.* Но ведь самому себе служить нельзя. Не ведая того и продолжая самоутрачивать мыслью о господстве своего разума над природой, человек попал в рабство миру, потерял свою свободу, ведь свобода сверхэмпирична, она возможна только при возвышении над данностью: «...и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8:32).

У человека самого по себе нет истины, он относителен, причем в случае отрицания свободы (и богослужения) — прямо относится к миру, в котором остро протекает «естественная» борьба за существование. В созданном им обществе человек все больше подчиняется довлеющей над ним природной необходимости, выражающейся уже в экономических и политических отношениях. Этический релятивизм вытесняет из общественной жизни нравственные системы, лишая их дееспособности, что с необходимостью компенсируется возрастанием объема норм положительного права, для своей реализации требующих усиления власти и увеличения аппарата принуждения. Но даже, наверное, не это главное. *Все традиционные религии формировали мировоззрение, в котором предполагалось служение человека — Богу, обществу, государству, культивировалась жертвенность и, в конечном итоге, обосновывалась идея должностования, без которой даже у такого яркого сторонника антропоцентризма, как И. Кант, не получалось автономной морали. В современном же мире становится все сложнее объяснить приходящим на смену поколениям, что такое долг и общественное служение — ведь как, действительно, можно служить «симулякрам», да еще при этом и быть кому-то или чего-то должным? Такие сложности человечество испытывает уже столетие, и за это время был найден выход: культивирование квазирелигий.*

Таким образом, *постмодернизм есть выражение такого качественного состояния общественного сознания, которое с неизбежностью приводит к росту квазирелигиозных представлений и культов, на них основывающихся*. Казалось бы, постмодернизм как направление философии сегодня теряет свою значимость, однако это — только в философском, рационально-теоретическом дискурсе современности; его идеи перешли в практически-мировоззренческую плоскость и, в соответствии с марксистскими надеждами прошлого, стали изменять мир, однако, уже вопреки этим надеждам, совсем не по направлению к «светлому будущему», а в сторону усиления общественного мировоззренческо-идеологического хаоса, «порождающего» порядок посредством установления крайних форм тоталитаризма. В таком контексте *постмодернизм и квазирелигии являются однопорядковыми явлениями, возникшими почти одновременно, хотя и параллельно существующими, но взаимно друг на друга влияющими и друг друга дополняющими*.

Мы уже выражали сомнение в верности версии о стихийно-протестном возникновении постмодернистского феномена, в которой он рассматривается в качестве достаточно обособленного периода в истории философии, теперь же, связав этот феномен с процессами секуляризации и ростом квазирелигий, поставим вопрос прямо: кому все это нужно? В «Письмах Баламута» К. С. Льюиса один из представителей скрывающихся от эмпирического распознавания бесовских сил, в сознании которых, в полном соответствии с постмодернистским принципом релятивизма, Бог является Врагом, высказывает следующую характерную мысль: «Надеюсь, в свое время мы научимся так развлекать науку эмоциями и мифами, что вера в нас (под измененным названием) проберется и обоснуется в них, тогда как душа человека останется закрытой для веры во Врага. Вера в „жизненную силу“, культ секса и психоанализ могут оказывать здесь весьма полезными. Если нам когда-либо удастся создать изделие высшего качества — мага-материалиста, не только использующего, но и почитающего то, что он туманно и расплывчато именуется „силами“, отрицая при этом невидимый мир, мы будем близки к победному концу» [Льюис].

Однако для поисков виновников роста новых религиозных движений, как сектантских, так и культовых, в том числе квазирелигиозных, совсем не обязательно прибегать к мистическим представлениям, поскольку вполне очевиден и «эмпирический заказчик» этого процесса, для выявления целей которого достаточно привести слова Адольфа Гитлера, следующим образом высказывавшегося о деятельности сект в СССР: «*мы можем только приветствовать ситуацию, в которой в каждой деревне будет своя собственная секта, так как это лишь увеличит число моментов, разделяющих изнутри русское пространство*»¹⁶. Согласимся, что логика этого высказывания универсальна, она может быть применена к любому традиционному социальному пространству, не только к русскому.

В мейнстриме современных информационных потоков этот эмпирический заказчик достаточно отчетливо виден, однако в данной статье мы не ставили перед собой задачи исследования «конспирологических» теорий, актуализирующихся в глобализирующемся обществе, в котором методы манипуляции общественным сознанием доведены почти до совершенства, а финансы и власть все больше концентрируются.

В заключение отметим, что квазирелигиозность, порождаемая поверхностным пониманием вероисповеданий вследствие недостатка религиозного просвещения, в отличие от квазирелигий, начавших структурно оформляться лишь в первой

¹⁶ Цит. по: [Мартинович, 2018, 306]. Заметим, что хорошо организационно структурированная и политически оформленная квазирелигия фашизма (точнее — национал-социализма) не допускала роста сектантства внутри самой Германии. Обобщая этот и другие подобные исторические факты, можно сказать: получив власть и возможность управления финансовыми потоками, «сильная» квазирелигия использует потенциал сект, религиозных и квазирелигиозных культов, к ней не относящихся, для разложения традиционно-религиозной «почвы» территорий, еще не охваченных ею в достаточной мере, с целью последующего своего утверждения на них.

половине XX в., существовала, пожалуй, всегда. *Институализирующаяся в наши дни и тем самым обособливающаяся квазирелигиозность* (если, конечно, не реализуется ее претензия на тотальность) *не так страшна для общества, как квазирелигиозность латентная, проникающая во все сферы социальной жизни и разлагающая их изнутри*. Даже традиционная религиозность не гарантирует иммунитета от «вируса» квазирелигиозности, активизировавшегося под влиянием процессов секуляризации, создавших возможности для оформления в общественном сознании постмодернистского мировоззрения, которое, в свою очередь, инициировало массовую, достигшую сегодня рискогенной стадии структуризацию квазирелигий и рост их влияния на общественное сознание.

Источники и литература

1. Бронзино (2010) — *Бронзино Л. Ю.* Постмодернизм: сущностные идеи и их представления // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 3 (12). С. 97–105.
2. Брянчанинов (2017) — *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Избранные письма. М.: Алавастр, 2017. 488 с.
3. Дворкин (2014) — *Дворкин А. Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2014. 816 с.
4. Карташев (1996) — *Карташев А. В.* Церковь. История. Россия: статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. 304 с.
5. Корсакова (2010) — *Корсакова И. А.* Постмодернизм — культура или антикультура? // Наука и современность. 2010. № 6 (1). С. 185–189.
6. Лагунов (2008) — *Лагунов А. А.* Социально-философское определение религии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 7–13.
7. Лагунов (2017) — *Лагунов А. А.* Философствование и молитвенное делание как способы постижения мира // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 124–129.
8. Лагунов (2018) — *Лагунов А. А.* Философский дискурс о мировоззренческих метаморфозах // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 224–235.
9. Льюис — *Льюис К. С.* Письма Баламута. URL: <http://book2.me/1451-pisma-balamuta.html> (дата обращения: 23.04.2019).
10. Мамардашвили (1999) — *Мамардашвили М. К.* Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1999. 320 с.
11. Мартинович (2018) — *Мартинович В. А.* Сектантство: возникновение и миграция. М.: Познание, 2018. 552 с.
12. Методология — Методология Пауля Тиллиха. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1805442> (дата обращения: 23.04.2019).
13. Петровская, Померанц (2010) — *Петровская Е. В., Померанц Г. С.* Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
14. Порус (2008) — *Порус В. Н.* У края культуры (философские очерки). М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2008. 464 с.
15. Сила нации (2009) — Сила нации — в силе духа. Книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла / Сост. А. В. Велько. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009. 400 с.
16. Царева (2011) — *Царева Н. А.* Проблема религии в русском символизме и европейском постмодернизме // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 2. С. 116–126.
17. Шмеман (2011) — *Шмеман А., прот.* Собрание статей, 1947–1983. М.: Русский путь, 2011. 896 с.

Alexey Lagunov. Postmodernism and Quasi-Religion: Worldview Parallels.

Abstract: The article substantiates the existence of ideological parallels between the postmodern and quasi-religious types of thinking about the world and human. We note the lack of a clear definition of quasi-religions in modern religious studies. The position is argued, according to which the most significant are the differences of quasi-religious cultures from beliefs, which are the ideas forming in them about the ways of achieving transcendental ideals. If in quasi-religions for this person with a mind, it is necessary and sufficient to apply his own efforts, then in religions such efforts are also necessary, but not sufficient, since reference is also needed to superhuman factors. This distinction is most clearly confirmed by the absence of prayer practice and worship in quasi-religions. Such a feature of quasi-religion is explained by the fact that their creators try to explain reality only in its “horizontal” aspect. However, they refuse the right to exist “vertical”. This reveals clear parallels with the postmodern type of thinking, in which the world is perceived as a “surface”. Postmodernism expresses such a qualitative state of social consciousness, which is the inevitable way to the growth of quasi-religious ideas and the cults based on them. We formulate the conclusion that postmodernism and quasi-religion are almost synchronously occurring single-order phenomena that mutually influence each other and complement each other.

Keywords: non-traditional religiosity, postmodernism, simulacrum, religions, worship, quasi-religion, secularism, post-secular society, public consciousness.

Aleksey Aleksandrovich Lagunov – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Philosophy and Ethnology of the Humanitarian Institute of the North Caucasus Federal University (emaillag@mail.ru).

Sources and References

1. Bronzino (2010) – Bronzino L. Y. Postmodernizm: sushchnostnyye idei i ikh predstaviteli [Postmodernism: Essential Ideas and Their Representatives]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2010, no. 3 (12), pp. 97–105. (In Russian).
2. Bryanchaninov (2017) – Ignatyi (Bryanchaninov), svt. *Izbrannyye pis'ma* [St. Ignatyi (Bryanchaninov). *Selected letters*]. Moscow: Alavastr, 2017, 488 p. (In Russian).
3. Dvorkin (2014) – Dvorkin A. L. *Sektovedeniye. Totalitarnyye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniya* [Sect. *Totalitarian Sects. Systematic Research Experience*]. Nizhny Novgorod: Khristianskaya biblioteka, 2014, 816 p. (In Russian).
4. Kartashev (1996) – Kartashev A. V. *Tserkov'. Istoriya. Rossiya: stat'i i vystupleniya* [Church. *History. Russia: articles and speeches*]. Moscow: Probel, 1996, 304 p. (In Russian).
5. Korsakova (2010) – Korsakova I. A. Postmodernizm – kul'tura ili antikul'tura? [Postmodernism – Culture or anti-culture?]. *Nauka i sovremennost'*, 2010, no. 6 (1), pp. 185–189. (In Russian).
6. L'yuis – Lewis K. S. *Pis'ma Balamuta* [The *Screwtape Letters*]. Available at: <http://book2.me/1451-pisma-balamuta.html> (accessed: 23.04.2019). (Russian translation).
7. Lagunov (2008) – Lagunov A. A. Sotsial'no-filosofskoye opredeleniye religii [Socio-Philosophical Definition of Religion]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, no. 62, pp. 7–13. (In Russian).
8. Lagunov (2017) – Lagunov A. A. Filosofstvovaniye i molitvennoye delaniye kak sposoby postizheniya mira [Philosophy and Prayer Making as a Way of Understanding the World]. *Khristianskoye Chteniye*, 2017, no. 5, pp. 124–129. (In Russian).
9. Lagunov (2018) – Lagunov A. A. Filosofskiy diskurs o mirovozzrencheskikh metamorfozakh [Philosophical Discourse on World-Wide Metamorphoses]. *Khristianskoye Chteniye*, 2018, no. 3, pp. 224–235. (In Russian).

10. Mamardashvili (1999) — Mamardashvili M. K. *Leksii po antichnoy filosofii* [*Lectures on Ancient Philosophy*]. Moscow: Agraf, 1999, 320 p. (In Russian).
11. Martinovich (2018) — Martinovich V. A. *Sektantstvo: vznikoveniye i migratsiya* [*Sectarianism: the Emergence and Migration*]. Moscow: Poznaniye, 2018, 552 p. (In Russian).
12. Metodologiya — *Metodologiya Paulya Tillikha* [Paul Tillich's Methodology]. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1805442> (accessed: 23.04.2019). (Russian translation).
13. Petrovskaya, Pomerants (2010) — Petrovskaya E. V., Pomerants G. S. Postmodernizm [*Postmodernism*]. *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya: v 4 t.* [*New Encyclopedia of Philosophy*]. Moscow: Mysl', 2010, vol. 3, pp. 297–298. (In Russian).
14. Porus (2008) — Porus V. N. *U kraya kul'tury (filosofskiyeh ocherki)* [*At the Edge of Culture (Philosophical Essays)*]. Moscow: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya», 2008, 464 p. (In Russian).
15. Shmeman (2011) — Shmeman A., protopresbyter. *Sobraniye statey, 1947–1983* [*Collection of Articles, 1947–1983*]. Moscow: Russkiy put', 2011, 896 p. (In Russian).
16. Sila natsii (2009) — *Sila natsii — v sile dukha. Kniga razmyshleniy Svyateyshego Patriarkha Kirilla* [*The Strength of a Nation is in the Power of the Spirit. The Book of Reflections of His Holiness Patriarch Cyril*]. Comp. by A. V. Vel'ko. Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov', 2009, 400 p. (In Russian).
17. Tsareva (2011) — Tsareva N. A. Problema religii v russkom simvolizme i evropeyskom postmodernizme [*The Problem of Religion in Russian Symbolism and European Postmodernism*]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, 2011, no. 2, pp. 116–126. (In Russian).